

Г. И. ЕРМУШКИН (Москва)

## ИЗ ИСТОРИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЭРЗЯ-МОРДОВСКИХ ДИАЛЕКТАХ

(Выражение субъекта действия по родам *сонзэ* 'его', *сынст* 'их')

Объектное спряжение в мордовских языках — явление интересное. По сравнению с объектным спряжением в венгерском, обско-угорских и самодийских языках мордовский тип сложнее и запутаннее. Хотя на объектное спряжение обращали внимание многие исследователи,<sup>1</sup> ряд диалектных форм еще не описывался. В статье делается попытка осветить некоторые из них.

Существуют различные точки зрения на возникновение показателей объектного спряжения. Автор первой обстоятельной грамматики эрзя-мордовского языка Ф. И. Видеман считал, что в формах объектного спряжения объектные суффиксы слились с личными окончаниями, например, в формах настоящего времени *-самак* 'ты меня', *-самам* 'он меня' и т. д. Этой же точки зрения придерживался М. Е. Евсевьев.<sup>2</sup>

Более сложный путь образования показателей объектного спряжения (сочетание отглагольных имен с притяжательными суффиксами) предполагал Д. В. Бубрих. С ним согласен Б. А. Серебренников.<sup>3</sup>

Анализ форм объектного спряжения показывает, что они состоят из корня и показателей объекта, времени и субъекта действия, например: *содатан* 'знаю тебя я', где *сода-* — корень, *-т-* — показатель объекта действия, *-а-* — показатель настоящего времени<sup>4</sup>, *-н-* — показатель субъекта действия.

Система показателей объекта действия в эрзянском языке сохранилась хорошо. Для передачи объекта действия, выраженного 1 л. ед. и мн. ч. (ряды *монь* 'меня', *минек* 'нас'), существует показатель *-м-*, 2 л. ед. и мн. ч. (ряды *тонь* 'тебя', *тынк* 'вас') — *-т-*, 3 л. ед. и мн. ч. (ряды

<sup>1</sup> См. А. Klemm, A mordvin tárgyias igeragozás. — NyK XLVI 1923—1927; T. Koizumi, The Objective Conjugation of Common Mordvin. — СФУ V 1969, стр. 19—29; В. А. Серебренников, Zu den Ursachen morphologischer Verworrenheit von Formen der objektiven Konjugation im Mordwinischen. — UAJb, 37 1966, стр. 65—69; П. Г. Матюшкин, К вопросу об употреблении форм объектного спряжения в мордовских языках. — Ученые записки Мордовского государственного университета 20, Саранск 1962, стр. 54—93; его же, Объектное спряжение глагола в мордовских языках, Тарту 1973 (автореферат канд. дисс.); а также данному вопросу посвящены разделы следующих работ: Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953; Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967; его же, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва 1964; см. также ОМД I—V.

<sup>2</sup> См. Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, стр. 172—173.

<sup>3</sup> Там же, стр. 173.

<sup>4</sup> Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 82.



*сонзэ* 'его', *сынст* 'их') — *-с-*. Примеры: 1 л. *содас|са|ма|к* 'знаешь меня ты' (\**содамак*) и *содас|са|ми|зэ* 'знаете нас вы; знают нас они' (\**содас|ми|зэ*); 2 л. *содас|т|а|н* 'знаю тебя я' и *содас|тад|ы|зэ* 'знаем тебя мы; знают тебя они'; 3 л. *содас|са|к* 'знаешь его ты' и *содас|с|ы|зэ* 'знают его они' и т. д.

Для преодоления возникающей омонимии и различения форм объектного спряжения глагола изъявительного наклонения и форм повелительного и побудительного наклонений по рядам *монь* 'меня' и *минек* 'нас' добавился объектный суффикс 3 л. *-са-* к объектному суффиксу 1 л. (см. *содас|са|мак*, *содас|са|мизэ*).

Однако такой стройной картины выражения показателей субъекта действия по всем рядам в настоящее время не существует ни в литературном языке, ни в диалектах эрзянского языка. Ее можно лишь восстановить на материале ряда диалектов.

Д. В. Бубрих считал, что формы объектного спряжения были проще, чем в настоящее время. Постепенное развитие привело к осложнениям и нарушениям стройности системы.<sup>5</sup>

Реконструкция показателей субъекта Б. А. Серебренниковым в конечном счете дает *-м-* для 1 л., *-т-* для 2 л., *-с-* для 3 л.<sup>6</sup>

На наш взгляд, очень интересны в этом отношении показатели субъекта действия, выступающие при объекте действия в 3 л. (по рядам *сонзэ* 'его' и *сынст* 'их') в эрзянских диалектах.

По рядам *монь* 'меня', *тонь* 'тебя', *минек* 'нас', *тынк* 'вас' показатели субъекта действия в литературном языке и диалектах совпадают, поэтому мы не будем их касаться. Обратимся к формам выражения субъекта действия по ряду *сонзэ* 'его' в настоящем времени. В литературном языке и в большинстве эрзянских диалектов в объектном спряжении по ряду *сонзэ* для передачи субъекта действия в единственном числе утвердились следующие формы:

лит. язык	диал. формы
<i>содаса</i> 'знаю его я'	<i>содаса, -н, -ть, -й</i>
<i>содасак</i> 'знаешь его ты'	<i>содасак</i>
<i>содасы</i> 'знает его он'	<i>содасы; содасас, содасаск, содасазок, содасазо, содасаз</i>

Если в литературном языке утвердилась форма *содаса* (без показателя субъекта действия 1 л. ед. ч.), то в диалектах наряду с этой существует форма с показателем *-н*, распространенная в основном в эрзянских говорах Кочкуровского, Б.-Березниковского районов Мордовской АССР, например: *мон зон' содасан* 'я его знаю' (Морд. Давыдово)<sup>7</sup>; *мон сондзы кучсан* 'я его пошлю' (Шугурово)<sup>8</sup> и др. Встречается этот показатель также в условном наклонении: *мон зон' чавин'д'ер'асан* 'если я его побью' (Морд. Давыдово). Этот показатель отражен и в литературе, например, в романе К. Абрамова «Качамонь пачк» (Саранск 1964): *Несан, Захар, несан. Арази тон истямолить* (стр. 416) 'Вижу, Захар, вижу. Разве ты таким был'; *Сёксня тень тума армияв. Дай, мерян, остаткадо вансан Найманонть, авань* (стр. 521) 'Осенью

<sup>5</sup> Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, стр. 104—107.

<sup>6</sup> Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 124—125; его же, Историческая морфология мордовских языков, стр. 183—184.

<sup>7</sup> В. Д. Обьедкин, Говор села Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР. — ОМД II 1963, стр. 78, 82.

<sup>8</sup> Д. В. Цыганкин, Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка. — ОМД I 1961, стр. 373.



мне идти в армию. Дай, говорю, напоследок навещу Найманы, мать'; *Васня прядсан институтонтъ, карман роботамо, мейле, тосо, неяви* (стр. 519) 'Сначала закончу институт, начну работать, затем, там будет виднее' и т. д.

Показатель субъекта *-ть* распространен широко — в эрзянских говорах Оренбургской области, Татарской АССР, Горьковской области и т. д. Однако употребляется он не систематически, а наряду с формой без показателя, например: *мон с'эн' аздасат'* (~ *аздаса*) 'я не знаю того' (М. Сурмет); *ил'асат' фл'аган'т'* (~ *ил'аса*) 'я вымою флягу' (М. Сурмет); *мон сондо кундасат'* (~ *кундаса*) 'я его поймаю' (Алексеевка, Коровино, Кутуш); *мушкон'т' вицат', таргасат', сур'эн'т' шэр'сат'* 'коноплю посею, собираю, нитки спяду' (Кутуш).

Показатель субъекта действия 1 л. ед. ч. *-й* встречается в говорах сел Низовка и Студенец Поречского района Чувашской АССР. Он выступает тоже не систематически наряду с формой без показателя, например: *мон сонзэ содасай* (~ *содаса*) 'я его знаю'; *мон сонзэ кундасай* (~ *кундаса*), *ансай* (~ *анса*) 'я его поймаю, накормлю'.

Возникновение показателя субъекта действия, выраженного 1 л. ед. ч., *-н*, *-ть*, *-й* из *\*-м*, по-видимому, связано с глагольным показателем *-к*, являвшимся, по мнению Б. А. Серебренникова, древним показателем будущего времени<sup>9</sup> и сохранившимся в мордовских языках в повелительном наклонении, а в диалектах и в отрицательных формах изъявительного и в побудительном наклонении (*кундык* 'поймай его', *кундынк* 'поймайте его'; *эзь кортак* 'он не говорил', *иля удок* 'не спи', *апак удок* 'не выспавшись'; *сазок* 'пусть он придет' и т. п.).

По мнению Э. Н. Сетяля, Л. Хакулинен и других, глагольный суффикс *-к* берет начало от прафинно-угорского суффикса настоящего времени *\*-k*, этимологически тождественного суффиксу *\*-k*, образующему имена от глаголов.<sup>10</sup> Появившись после показателя субъекта действия в глаголах объектного спряжения, *-k* вызвал действие определенных фонетических явлений. Так, губно-губной согласный *м* перед заднеязычным согласным *к* мог приобрести новые артикуляционные особенности, приблизившись по месту образования к *к*, но не утратив сонорности. Видимо, появился заднеязычный согласный *ŋ*, давший позднее *-н*, *-й* и в ряде случаев отпавший.

Показатель объекта 1 л. ед. ч. *-ть*, по-видимому, происходит от указательного местоимения *те* 'этот'. Это явление вторичного порядка, возникшее в результате стремления к различению того, что не различалось.<sup>11</sup> Однако в таком случае получается двойная передача объектов, как и по ряду *монь* 'меня' (ср. *кундаса|м|а|м* 'он меня поймает' — *кунда|с|а|ть* 'я его поймаю').

Может быть, *-ть* и *-й* произошли от частиц, широко употребляющихся в эрзянских диалектах в повелительном и побудительном наклонениях; в повелительном наклонении они могут повторяться: *сак* 'приди'; *сакай*, *сакать* 'приди-ка (попробуй!)'; *сакайат'*, *сакат'ат'*; *сакайат'ай*, *сакат'ат'ат'*, *сакайат'айа*, *сакайат'айат'* и т. д. 'приди-ка' (с большой степенью угрозы); в побудительном наклонении: *сазо* 'пусть он придет'; *сазойа*, *сазойат'*, *сазойат'ай*, *сазойат'ат'*, *сазойат'айат'* и т. д. 'пусть он придет (пусть только посмеет он прийти!)' и т. д.

<sup>9</sup> Б. А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, стр. 86, 142—143; его же, Историческая морфология мордовских языков, стр. 183.

<sup>10</sup> E. N. Setälä, Zur Geschichte der Tempus- und Modusstamm-bildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu II 1887, стр. 177; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка. Фонетика и морфология I, Москва, 1953, стр. 227.

<sup>11</sup> Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, стр. 107.



Показатель *-й* мог развиваться и из показателя *-н*. В эрзянском языке существует чередование *н ~ й*, ср. с. Верхний Акташ Татарской АССР *мон'эн'* и *мойэн'* 'мне', *тон'эт'* и *тойэт'* 'тебе', *сон'эндэ* и *сойэндэ* 'ему'; *колмо т'эйт'эр'эм мир'д'эйэн' дуйзэ'* 'три мои дочери замужем'; с. Кардавилль Горьковской обл. *покайин'т'эй* (~ *покайин'т'эн'*) *с'улгамо с'алгит'* 'к покаю сюлгамо прикальвают'; с. Малый Толкай *мол'и с'камонзо вир'ин'т'эй* (~ *вир'ин'т'эн'*) 'пойдет одна она в лес-то'; *Улко якинъ кшинъ займамо попадьантей* (Ф. Чесноков, Т. Васильев, Е. Окин, Эрзянь пьесат, Москва 1924, стр. 29) 'На днях ходила к попадье брать хлеба взаймы' и др.; можно предположить, что *-й* — результат этого чередования.

Показатель субъекта действия 2 л. ед. ч. в эрзянском литературном языке и диалектах полностью совпадает. Но откуда появился *-к* вместо ожидаемого *-т*? На наш взгляд, это также произошло под влиянием глагольного показателя *-к*. Столкнувшись, два глухих взрывных составили непривычное для эрзянского языка сочетание. В таком случае обычно выпадает первый из них: *\*сода|с|а|т* 'ты его знаешь' : *сода-сат|к* > *содасак*. Что было именно так, можно показать на примере передачи субъекта действия 3 л. ед. ч.: *сода|с|а|с|к* 'он его знает', где сохранилось сочетание *-ск*, состоящее из *-с-* — показателя субъекта 3 л. и *-к* — глагольного показателя.

Различные по диалектам формы передачи субъекта действия в 3 л. ед. ч. показывают путь развития этой формы в языке.

Когда-то существовала форма *\*сода|с|а|с* 'знает он его', где *сода-* — корень, *-с-* первый — показатель объекта действия, *-а-* — показатель настоящего времени, конечный *-с* — показатель субъекта действия. В одних случаях (эрзянский литературный язык и многие диалекты) конечное сочетание *-ас* через чередование с *-ай* дало *-ы*.<sup>12</sup> В других эрзянских диалектах сохранилась историческая форма, например, северо-западные говоры эрзянского языка III и IV групп: *содасас* (и *содасы*) 'он его знает', *сайсас* (и *сайсы*) 'он его возьмет' и др. (с. Салдоманово).<sup>13</sup> В северо-западных говорах сохраняется также древняя форма с глагольным показателем *-к*, например: *содасаск* 'он его знает', *кундасаск* 'он его поймает' и др.<sup>14</sup>

Результаты чередования *с ~ й* отражаются в шугуровском диалекте (в показателе субъекта): *сон сондзы кучцый, кундасый* 'он его пошлет, поймает'<sup>15</sup>, а также в говорах Дубенского района Мордовской АССР (села Повадимово, Кабаево): *сон сондзâ сайсэй, содасэй* (*сайсазэ, содасазэ*) 'он его возьмет, узнает'<sup>16</sup> и др.

В говорах сел Алатырского и Поречского районов Чувашской АССР, а также в IV группе северо-западных говоров существует форма и с глагольным показателем *-к*: *сон сонзэ содасазок* 'он его знает' (Алтышево), *сон сонзэ ансазок* (и *ансазо*) 'он его накормит' (Низовка), *сайсазок ды а максазок* 'возьмет и не отдаст' (Жорино). Здесь показатель субъекта действия *-с*, оказавшись в интервокальном положении, озвончился (явление, имевшее широкое распространение в мордовских языках). В результате отпадения конечного *-к* получилась форма типа *кундасазо* 'он его поймает', которая встречается в большинстве эрзян-

<sup>12</sup> В. Д. Смирнова-Бубрих, Из области мордовского вокализма непервого слога. — Филологические доклады 2, Саранск 1948, стр. 53—54.

<sup>13</sup> Г. И. Ермушкин, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка. — Вопросы мордовского языкознания, Саранск 1967 (ТМордНИИ XXXII), стр. 130.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Д. В. Цыганкин, Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка, стр. 373, 374.

<sup>16</sup> Из материалов Л. Д. Гераськиной.



ских диалектов. Однако отпадение конечного гласного -о привело к возникновению формы *кундасаз* (см. I группу северо-западных говоров): как *сайсаз*, так и *а кансаз колияк* 'если возьмет, так никогда не принесет обратно' (Кельдюшево) и др.

По ряду *сынст* 'их' для передачи субъекта действия, выраженного I л. ед. ч., употребляется показатель -*нь* как в литературном языке, так и во всех эрзянских говорах и диалектах, например: *мон сынст сода|с|ы|нь* 'знаю их я', *канд|с|ы|нь* 'принесу их я' и др., где *сода-*, *канд-* — корень, -*с-* — показатель объекта действия, -*ы-*, по-видимому, — показатель множественного числа, -*нь* (мягкость обусловлена предшествующей гласной переднего ряда -*ы*) — показатель субъекта действия.

Для передачи субъекта действия, выраженного 2 л. ед. ч., употребляется показатель -*ть* в литературном языке и большинстве эрзянских диалектов: *тон сынст содасыть, кандсыть* 'ты их знаешь, принесешь'. Но в северо-западных говорах, а также примыкающих к ним диалектах (большеигнатовском, ряде говоров Чувашской, Татарской АССР, Оренбургской обл.) показатель субъекта -*ть* отсутствует (*тон сынст кундасы, сайсы, вансы* 'ты их поймашь, возьмешь, посмотришь' и т. д.), равно как и в формах прошедшего времени изъявительного наклонения, в повелительном и условном наклонениях (*тон сынст саи, ваны, пугы* 'ты их взял, посмотрел, положил; ты их возьми, посмотри, положи'; *тон сынст саиндерясы* 'если ты их возьмешь'). Здесь гласный -*ы* выражает субъект действия и является одновременно показателем множественного числа. *и-*овый показатель множественного числа, выражающий и принадлежность, имеется также у существительных северо-западных говоров в притяжательном склонении. Он выступает в словах с основной на мягкий согласный и -*й* в I—III группах говоров (*кедь* 'рука' — *кеди* 'руки твои', *черь* 'волос' — *чери* 'волосы твои', *пей* 'зуб' — *пеи* 'зубы твои', *мацей* 'гусь' — *мацеи* 'гуси твои' и др.) и с основой на твердый согласный во II группе говоров (*вал* 'слово' — *валы* 'слова твои', *сур* 'палец' — *суры* 'пальцы твои', *сараз* 'курица' — *саразы* 'куры твои' и др.).<sup>17</sup>

Для передачи субъекта действия, выраженного 3 л. ед. ч., по ряду *сынст* 'их' в литературном языке и большинстве диалектов есть показатель -*нзе*: *сон сынст содасынзе* 'он их знает'. Но в диалектах встречается форма -*нзек*, -*нзеть* (в основном в тех же, где по ряду *сонзэ* 'его' выступает показатель -*зок*). В данном случае, как и в единственном числе, конечный показатель глагола -*к* в этих говорах сохранился.

<sup>17</sup> См. Г. И. Ермушкин, О нулевой форме множественного числа обладаемого притяжательной конструкции в эрзя-мордовском языке. — Вопросы финно-угроведения V, Йошкар-Ола 1970, стр. 36—40.

G. I. JERMUSKIN (Moscow)

## HISTORY OF THE SINGULAR OF THE OBJECTIVE CONJUGATION IN ERZA-MORDVIN DIALECTS

(Expression of the Subject for the Objects *сонзэ* 'him' and *сынст* 'them')

The development of the subject and object suffixes of the objective conjugation in standard Erza-Mordvin can be analyzed on the basis of the corresponding suffixes of modern dialects.

For the third person objects (*сонзэ* 'him', *сынст* 'them'), various Erza dialects have singular subject suffixes whereas standard Erza has none, cf. -*n*, -*f*, -*j* for sg. 1 and -*s*, -*sk*, -*zok*, -*zo*, -*z* for sg. 3. These suffixes developed from the first person suffix \*-*m*, the third person suffix \*-*s*, and the present tense suffix \*-*k*.